

М. М. Сафонов

Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты

Материалы Следственной комиссии по делу декабристов никогда не рассматривались как источник, отразивший состояние российской элиты по завершении Наполеоновских войн. В действительности же документы следствия представляют немалый интерес именно с этой точки зрения. В них отразилась не только деятельность декабристской конспирации за десятилетний период ее существования, но они содержат ценный материал о том, как высшие сановники интерпретировали полученные в ходе расследования материалы. А их интерпретации отражают интересы тех элитарных кругов, к которым принадлежали сами следователи. Декабристская историография сосредоточивала свои усилия на изучении истории тайных обществ, проблема же ее интерпретации представителями сановной элиты не привлекала внимания историков. А между тем поведение следователей во время процесса представляет не меньший, а в некоторых отношениях даже больший интерес, чем действия самих подсудимых. И именно оно позволяет сделать некоторые наблюдения о состоянии российской элиты на исходе первой четверти XIX в. Согласно декабристской историографии, декабристы были первыми русскими революционерами, которые посредством вооруженного восстания предприняли попытку отменить крепостное право в России, свергнуть самодержавие и заменить его конституцией¹. Характернейшей чертой этой концепции являлось представление о том, что декабристы и правительственные верхи находились по разные стороны баррикад, а представители правящей элиты априори не могли иметь никаких связей с членами декабристской конспирации и не были заинтересованы в том, чтобы допустить открытое выступление тайного общества².

Подавляющее число исследовательских работ, базирующихся на этой концепции, строится на использовании материалов следственного процесса по делу декабристов. Исследователи декабристского движения в конкретных работах опирались главным образом на документы процесса по делу декабристов, но при этом не ставили перед собой важнейшего вопроса о том, как именно был получен тот материал, который отложился в следственных делах. Почти общим правилом исследователей было выбирать из следственных показаний те из них, которые позволяли подкрепить фактическим материалом заранее выстроенные в соответствии с господствующей идеологией схемы³. Вопрос же о том, насколько адекватно следственные материалы отразили движение декабристов, видимо, мало интересовал исследователей.

Между тем, важнейшей задачей современного декабристоведения является восстановление всего хода следственного процесса со всеми его нюансами. То есть необходимо проследить шаг за шагом, какие материалы получало следствие, как оно ими распоряжалось, что и как докладывалось царю, каковы были последующие шаги следователей. Надо провести учет устных и не заотоколерованных допросов, выявить видеоизменения, вносимые в показания, осуществить сопоставление докладных записок Следственного комитета, переименованного впоследствии в Следственную комиссию, а также журналов его с письменными ответами подследственных на вопросные пункты. Необходимо сделать тщательное сопоставление формулировок журналов заседания с документами, рассматривавшимися в этот день в Комитете, определить, насколько верно они фиксируют сведения, которыми в действительности на тот момент располагало следствие. Нужно выявить все намечавшиеся очные ставки и установить, какие из них были действительно проведены, а какие не имели места. Это в значительной мере прояснит ход и направление работы следователей. Такой подход открывает новые перспективы для исследования. Он дает возможность серьезно скорректировать основные выводы отечественных декабристоведов, изучавших движение декабристов на основе материалов следствия, взятых не в совокупности, а фрагментарно в соответствии со схемами, предложенными марксистским декабристоведением⁴.

Оценивая достоверность следственного материала, необходимо максимально точно очертить круг вопросов, которые были табуированы для следователей. Прежде всего из рассмотрения следствия были исключены все сюжеты, касающиеся польской политики Александра I⁵, спровоцировавшей возникновение междуцарствия⁶, кульминацией которого явилось открытое выступление тайного общества, получившее в историографии неадекватное этому событию название «восстание декабристов». При этом надо иметь в виду, что поведение отдельных членов императорской семьи во время междуцарствия исключалось из расследования автоматически. Так, важнейший эпизод, связанный с визитом Я. И. Ростовцева во дворец накануне выступления, когда один из членов тайного общества предупредил царя о готовившемся выступлении, был запретной

темой для Следственного комитета. Хотя тщательное исследование этого темного эпизода, находящегося в одном ряду с так называемым «московским заговором» 1817 г.⁷, значительно прояснило бы картину предыстории выступления и позволило бы другими глазами взглянуть на события 14 декабря, квалифицировавшиеся обычно как «восстание». Близкий к лидерам конспирации Я. И. Ростовцев запугивал великого князя Николая неизбежным выступлением в случае его воцарения и пытался во что бы то ни стало заставить претендента на престол отказаться от своего намерения⁸. Но если бы Николай внял этим «предостережениям» и отступился, то «восстание декабристов» становилось невозможным, потому что отпал бы предлог для выступления — верность уже принесенной Константину присяге⁹. Расследование этого эпизода вскрыло бы, что конспираторы стремились не к открытому вооруженному выступлению против верховной власти, а к созданию тупиковой династической ситуации, выход из которой давал бы конспирации шанс без вооруженной борьбы реализовать свои планы, касающиеся будущего устройства России.

Смерть петербургского военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича¹⁰, допустившего выступление¹¹, оказала негативное влияние на ход расследования. Глава тайной полиции скончался от ран, полученных на Сенатской площади. Император Николай решил, что ему гораздо выгоднее похоронить Милорадовича как человека, который своей жизнью заплатил за преданность престолу, нежели раскрывать, почему он допустил выступление противников его воцарения. Милорадович умер в казармах Конного полка в 2 ч. 45 м. 15 декабря, когда в разных комнатах Зимнего дворца допрашивали несостоявшегося «диктатора» С. П. Трубецкого¹² и отставного кавказского вице-губернатора гвардии подполковника О. В. Горского¹³. Первый не явился на Сенатскую площадь, а второму, самому высокопоставленному среди инсургентов, восставшие предлагали возглавить собравшиеся там войска. Он был связан с военным генерал-губернатором¹⁴, но эта связь не стала предметом расследования. Одновременно с Трубецким 22-м по счету (Трубецкой был 21-м) допрашивали полковника П. С. Подобедова, чиновника по особым поручениям при Милорадовиче. Он был задержан «по подозрению в участии в мятеже», хотя в чем именно оно заключалось, так и осталось неизвестным. Недавно опубликованный допрос Подобедова содержал сведения о маршрутах передвижения Милорадовича по городу во время выступления. Среди них в частности упоминался Казанский собор, куда губернатор намеревался прибыть после того, как отправился в расположение Конного полка, не спешившего выполнять волю императора выйти против мятежников. То, что полковник рассказал во время допроса, было настолько значительно, что любой следователь, перед которым стояла бы задача воссоздать объективную картину того, что в действительности происходило в тот день в Петербурге, должен был скрупулезно проследить все нити, обозначившиеся в показаниях Подобедова¹⁵. Но после смерти Милорадовича, превратившегося в «рыцаря без страха, но с упреком», Подобедов, был осво-

божден по личному распоряжению Николая как «неприкосновенный» и какие особые поручения губернатора он выполнял в тот день, расследовать не стали. Также не получили никакого развития всплывшие в ходе дальнейшего следствия факты, обличавшие Милорадовича. В феврале 1826 г. выяснилось, что он замял донос на тайное общество, поданный в 1820 г. корнетом Уланского полка А. Н. Роновым¹⁶. А накануне 14 декабря, получив донос о готовившемся выступлении бывшего чиновника свой канцелярии и члена тайного общества Г. А. Перетца, не только не принял никаких мер, но, обругав доносчика, пригрозил посадить его в крепость¹⁷. Потенциальный «цареубийца» А. И. Якубович был конфиденнтом Милорадовича. Вечер накануне 14 декабря он провел в его компании. Подследственный не только не скрывал этого от следствия, но, напротив, даже пытался использовать это обстоятельство для своей личной защиты¹⁸. Но Следственный комитет этот сюжет не рассматривал. Якубович, вступивший в переговоры с Николаем сразу же после смертельного ранения Милорадовича¹⁹, ни разу не допрашивался следователями на этот предмет. Впрочем, на все эпизоды, участником которых являлся император, было наложено табу. Наконец, всё, что имело отношение к деятельности Российско-Американской компании, в материалы расследования не было включено. Наивно было бы думать, что дом ее был только местом жительства руководителей декабристской конспирации²⁰.

Важнейшим фактором, повлиявшим на работу Следственного комитета, было то, что ведущие его члены оказались в той или иной степени причастны к предыстории событий 14 декабря. Председатель Следственного комитета, военный министр А. И. Татищев, генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф и управляющий почтами, конфиденнт императора А. Н. Голицын, все они, как и Милорадович, оказались причастны к тому, что накануне выступления не был арестован целый ряд заговорщиков. Имена их Николай узнал 12 декабря из рапорта И. И. Дибича и приказал произвести аресты²¹. Среди этих имен — К. Ф. Рылеев. Его своевременный арест сделал бы выступление 14 декабря почти невозможным. Что касается А. Х. Бенкендорфа, взявшего на себя расследование событий в столице, то он был в стане противников Николая до момента смертельного ранения М. А. Милорадовича²².

Пошаговое рассмотрение следственных материалов позволяет иначе посмотреть на события 14 декабря 1825 г. в Петербурге и взглянуть под другим углом зрения на движение декабристов в целом. Как уже отмечалось, традиционная историография трактовала декабристскую конспирацию как организацию, ставившую своей главной целью отмену крепостного права и ликвидацию самодержавия. Такая трактовка может быть принята с очень серьезными оговорками, потому что тайное общество в России в действительности было органом, являющимся в руках дворянства орудием воздействия на внешнюю и внутреннюю политику. Не столько даже самого правительства, сколько конкретного монарха — Александра I, когда потенциальная угроза, даже в большей

степени личной расправы над царем и его семьей, нежели социального переворота в целом, являлась сильнодействующим средством, удерживающим монарха от шагов, которые он считал целесообразным предпринять. При этом решение крестьянского вопроса наименее ущемляющим благосостояние дворянства способом и ограничение самодержавия таким образом, чтобы оно не имело возможности ущемлять интересы дворян, играли в деятельности декабристской конспирации далеко не первостепенную роль: они были как бы производными от решения ею своей главной задачи — не допустить реализации польских планов Александра I.

По авторитетному мнению авторов коллективного труда «Польша и Россия в первой трети XIX века», 1815–1825 гг. можно считать временем, когда польская политика Александра I стала средоточием разногласий между властью и обществом. Именно в ней как в фокусе отразилось «расхождение официального курса с оппозиционными настроениями, захватившими различные круги»²³. Необходимо рассматривать феномен тайного общества через призму этого расхождения, в основе которого лежало отсутствие выработанного механизма разрешения противоречий между интересами дворянского сословия и верховной власти. Для работ, посвященных движению декабристов, характерна абсолютизация протеста против деспотической сути самодержавия. Конкретные же причины, заставившие российских дворян вступить на путь конспирации, оставались, как правило, в тени.

Между тем среди этих причин важнейшую роль играло стремление царя воссоздать Речь Посполитую как самостоятельное государство: вернуть Королевству Польскому российско-польские губернии, отошедшие к России в результате разделов Польши, восстановить Великое княжество Литовское, вернуть территории, отошедшие к Австрии и Пруссии после Венского конгресса. Стремление императора создать из возрожденной Польши, содержание которой было не по карману Российской империи, форпост против Запада и защитить западную границу России линией военных поселений, протянувшихся с севера на юг, преследовало интересы страны. Но дворянство усматривало в нем ущемление национального самолюбия или даже предательство коренных интересов империи и угрозу собственному благосостоянию. Восстановление Речи Посполитой в ее исторических границах влекло за собой не только потерю земельных владений, перешедших в ходе разделов Польши в руки русских сановников и бюрократов в екатерининское время. Оно означало, что и на этих территориях со смешанным населением государственным языком будет польский, религия — католической, чиновники — поляки, вооруженные силы тоже польские. Отсутствие легального инструмента противодействия политике самодержавия, которая шла вразрез с интересами дворянства, не могло не привести к образованию конспирации, ставившей своей главной целью противодействовать польской политике царя. При этом в действиях этой конспирации, которую впоследствии называли декабристской, четко просматривалась следующая

шая схема. Вначале противодействие намерениям царя присоединить к Польше российско-польские губернии совокупно со стремлением противостоять проведению освобождения крестьян именно на этих территориях в качестве первого шага к воссоединению с Королевством Польским, где освобождение крестьян уже было произведено при Наполеоне. Затем создание собственных проектов решения крестьянского вопроса по своим сценариям, учитывающим прежде всего интересы землевладельцев. Потом разработка идеи представительного правления, при котором и отторжение территории с 12-миллионным населением, и освобождение крестьян по сценарию монарха становится невозможным без согласия народных представителей²⁴.

О том, что итоговые документы следствия неадекватно отражают деятельность декабристской конспирации, известно давно. Принято считать, что, желая дискредитировать «государственных преступников», следователи стремились утаить подлинные цели декабристского движения — отмену крепостного права и ликвидацию самодержавия — и объявить конспираторов царевубийцами, стремившимися к безначалию. В действительности же целенаправленное искажение следствием истории тайных обществ шло по иной линии. Следствие старалось скрыть существование польских планов Александра I и противодействие им со стороны конспирации, деятельность которой на самом деле отвечала интересам российской элиты, потому что против восстановления Речи Посполитой открыто протестовали военные и бюрократически верхи: Главный штаб, генералитет, МИД, члены Госсовета, интеллектуалы, включая личного советника царя Н. М. Карамзина²⁵. Следователи утаивали и наличие аболиционистских стремлений царя, вызывавших противодействие дворянских верхов и провоцировавших попытки конспирации не дать им реализоваться²⁶. Совершенно очевидно: деятельность тайного общества во многом отвечала интересам российской элиты и именно поэтому следствие было заинтересовано в том, чтобы скрыть этот важнейший факт.

Расследование деятельности тайного общества было превращено в процесс царевубийц. Собственно, заключительное «Донесение Следственной комиссии», — ничто иное, как обвинительный акт царевубийцам²⁷. Но, превратив царевубийство в альфу и омегу всего тайного общества и сведя к нему всю суть его деятельности, следователи намеренно не стали выяснять, какое место и какая роль отводилась в планах заговорщиков акту убийства царя. «Донесение» утаило, во имя чего оно должно было быть предпринято. И дело было не только в том, что Николай приказал не упоминать ни о чем, что могло вызвать симпатию к осужденным: прежде всего это их проекты освобождения крестьян. Декабристоведа совершенно верно объявили «Донесение» тенденциозным документом, имеющим главной целью дискредитацию тайного общества. Но они сами находились в сильной зависимости от этого документа, который был ими «перелицован». Заменяв негативные оценки позитивными, восстановив лакуны, касавшиеся планов преобразований и признав царевубийство средством

политической борьбы за свержение самодержавного строя и отмену крепостничества, исследователи декабризма полностью сохранили изложенную в «Донесении» схему образования и развития тайных обществ.

Между тем Следственная комиссия представила роль проектов царевубийства в деятельности конспираторов в искаженном виде. Убийство царя было объявлено главной целью тайного общества. Но в действительности обсуждение планов личной расправы над монархом и его семьей, о практической реализации которых заговорщики даже и не думали, являлось действенным средством удержать самодержца от реализации своего польского плана. Это был некий, если употреблять современный термин, симулякр царевубийства. Другими словами, следствию удалось подменить мнимые планы убийства царя якобы реально существующими и тем самым свести деятельность декабристской конспирации к царевубийству как главной цели заговорщиков. Хотя ни одного факта реальной подготовки расправы над помазанником следователям обнаружить так и не удалось²⁸.

Ход следствия можно условно разделить на два принципиально отличающихся друг от друга этапа. Первый протекал с 14 декабря 1825 по 7 января 1826 г. Он начался с допросов непосредственно задержанных на Сенатской площади после разгрома выступления и был почти всецело посвящен расследованию деятельности так называемого Северного общества. Допрашивались люди, принимавшие непосредственное участие в подготовке выступления на Сенатской площади. Второй этап следствия происходил после подавления выступления Черниговского полка и заключения в Петропавловской крепости лидеров тайного общества, задержанных на юге. Этот этап начался 8 января, когда в Комитете, работавшем до этого дня как единой следственный орган, произошло распределение функций между членами, за которыми персонально было закреплено ведение дел так называемых Южного и Северного обществ²⁹. Он продолжался до 17 июня 1826 г., хотя фактически Комитет завершил свою работу 30 мая, когда члены его подписали итоговый документ — «Донесение Следственной комиссии». На втором этапе следствия фигурантами главными образом являлись руководители Южного общества. Их «разработка» во многом велась с намерением спроецировать полученные результаты на события в столице и с помощью этих данных интерпретировать всё произошедшее в Петербурге 14 декабря, обличить или оправдать северных лидеров.

На первоначальном этапе у следователей была уверенность, что процесс скоро завершится, и Николай I ограничится наказанием нарушивших военную дисциплину³⁰. На этом коротком отрезке члены Комитета ограничились довольно поверхностным исследованием истории образования и деятельности тайного общества. Следователи не потрудились даже узнать, как именно оно точно называется. Они позволили уйти в песок всем сведениям о связях заговорщиков с высокопоставленными лицами из придворного окружения, спустили «на тормозах» данные о расчетах заговорщиков на содействие Сената

и Государственного Совета³¹. Но самое поразительное состоит в том, что следователи сделали всё возможное, чтобы утаить планы царевубийства и спасти от смертной казни лидеров тайного общества. Члены Комитета прекрасно отдавали себе отчет в том, что в действительности это были за «планы» и что реально за ними стояло. Так что через две недели после начала расследования не только С. П. Трубецкой, но даже К. Ф. Рылеев стал надеяться на благоприятный для него исход следствия³².

25 декабря 1825 г. полковник А. М. Булатов написал великому князю Михаилу Павловичу письмо. В нем упоминалось о том, что 12 декабря на совещании у Рылеева в присутствии С. П. Трубецкого обсуждался вопрос об убийстве Николая I. Каким-то странным образом письмо-показание Булатова не поступило на рассмотрение Комитета и не стало предметом дальнейшего расследования, которое должно было вывести следователей на царевубийственную тему и вопрос о связях тайного общества с генералитетом. Булатов, как явствовало из его письма, поддерживал близкие отношения с военным комендантом столицы П. Я. Башуцким³³, правой рукой военного генерал-губернатора Петербурга М. А. Милорадовича. Письмо Булатова официально не было внесено в Комитет. По нему не проводилось никакого расследования, не составлялось никаких допросных пунктов упоминаемым там лицам. Сам Булатов в Комитет не призывался и не допрашивался. Письма же его как бы и не существовало для следователей. Хотя оно в конце концов было приобщено к делу Булатова и цитировалось в «Донесении Следственной комиссии»³⁴. Однако это не значит, что содержащиеся в нем сведения не были известны членам Комитета и во внимание ими не принимались. Как раз наоборот. Было сделано всё, чтобы они не были официально зарегистрированы в делопроизводстве Комитета. Несомненно, Трубецкой был осведомлен о том, какие обвинения против него содержались в этом письме и в своих письменных показаниях старался нечувствительно их дезавуировать, заявив, что А. И. Якубович говорил только о желании убить Александра I из личной мести. Путем махинаций с материалами допросов и очных ставок следователи сумели представить дело так, что Якубович, поднимавший вопрос о царевубийстве, намеревался лишь «расквитаться» с обидевшим его царем. После признания Якубовича заковали, а Булатова нашли в камере с рассеченным черепом и вопрос царевубийстве на первом этапе следствия был закрыт. Довольно странное поведение для лиц, которые как будто бы находятся по разные стороны баррикад³⁵.

Важнейшим моментом первого этапа расследования было нераспознанное сотрудничество Трубецкого со следствием, начавшееся 25 декабря 1825 г.³⁶ С этого момента следствие вступило в то русло, двигаясь по которому, пришло к тому, что в итоговых документах деятельность тайного общества и события 14 декабря получила неадекватное отражение.

Сотрудничество Трубецкого со следствием носило весьма своеобразный характер. Обычно такого рода сотрудничество выглядит так: «Ты сдаешь

товарищей, мы облегчаем твою участь». В случае с Трубецким оно носило иной характер: «Мы облегчаем твою участь, а ты сдаешь далеко не всех сотоварищей». Трубецкой взял на себя обязанность давать в своих показаниях такое освещение деятельности Тайного общества, какое вполне устраивало членов Комитета. Взамен следователи брали на себя обязанность принимать на веру показания Трубецкого, как бы фантастично они ни выглядели. Трубецкой спасал свою жизнь. Члены комитета — карьеры своих родственников и собственные карьеры тоже. Едва ли чем-либо иным можно объяснить всё дальнейшее течение следствия. Трубецкой рассказывает вещи совершенно невероятные, в которые не поверил бы ни один здравомыслящий человек. А следователи верят. Просто в этом деле у них был собственный интерес. Так, например, в записке об истории конспирации Трубецкой утверждал, что тайные общества очень вредны. Они учреждаются для того, чтобы способствовать правительству в его благих начинаниях. Но в тайные общества проникают честолюбцы. Они имеют преступные намерения и начинают направлять деятельность обществ ко злу. Когда же одушевленные любовью к родине члены таких обществ начинают прозревать, что они сами становятся преступниками, то их главной задачей становится противодействовать честолюбцам. Поэтому они не выходят из обществ, а пытаются предотвратить зло. К тому же они не могут открыться правительству, чтобы не стать изменниками.

Под этим углом зрения Трубецкой нарисовал историю деятельности Северного общества и свою собственную в нем роль. Естественно, главная цель этого общества и самого Трубецкого состояла в том, чтобы помешать осуществиться преступным планам честолюбца П. И. Пестеля: истребить императорскую фамилию и учредить республику. Собственно говоря, согласно Трубецкому Северное общество и было создано только для этого³⁷. Ну разве хоть один здравомыслящий человек мог бы поверить в это? Но следователи Трубецким остались довольны. В журнале Комитета появилась запись: «Во уважение полного и чистосердечного показания князя Трубецкого насчет состава и цели общества позволить ему весть переписку с его женой, на что испросить высочайшего соизволения»³⁸. Оно было дано на следующий день. Так могли поступать только следователи, не заинтересованные в открытии истины.

Есть определенные основания поставить вопрос о сотрудничестве П. И. Пестеля со следствием. Переписка его с неким генералом, ведшим следствие³⁹, и надежда на скорое освобождение, выраженная в письмах лидера Южного общества, позволяют предполагать, что лидер южан всячески старался преувеличить радикализм декабристской конспирации, силу, значение и масштабы влияния тайного общества. Тем самым он подыгрывал И. И. Дибичу, фактически возглавившему следствие на втором его этапе и стремившемуся получить сведения такого рода⁴⁰. И не случайно Пестель вполне добровольно дал материал о так называемом «Московском заговоре». Речь шла о первом мнимом проекте цареубийства, который он якобы старался предотвратить, но при этом пытал-

ся затемнить вопрос об истинных причинах, вызвавших к жизни этот проект, т.е. проблему восстановления Речи Посполитой и освобождения крепостных крестьян. Пестель пытался представить общество как единую радикальную организацию, не разделяя его на Северное и Южное. В ней с самого начала его существования обсуждалась идея царевубийства, первый проект которого был выдвинут уже осенью 1817 г.⁴¹ И в этом радикализме всего тайного союза лидер южан надеялся растворить свою главнейшую в нем роль, рисуя себя человеком, который подчиняется решениям большинства⁴². Но эта тактика себя не оправдала и Пестеля не спасла. Как раз наоборот. Упоминание о первом проекте царевубийства, к которому Пестель не имел прямого отношения, позволило придать следствию такое направление, что основным источником зла было признано Южное общество, а главным «злодеем» — сам Пестель. Именно его имя связывалось теперь с идеей царевубийства, истребления императорской фамилии, учреждения республики. Поиски доказательств этого стали доминантой второго этапа расследования. Хотя лозунг республики служил тем же целям, что и мнимые проекты царевубийства.

Поведение Пестеля на следствии и способ защиты, который он выбрал, позволили связать Рылеева с республиканскими планами, царевубийством, истреблением императорской фамилии, пропагандируемым южными членами. Следователи старались представить Рылеева адептом радикальных планов Пестеля, Трубецкого же — главным идейным противником лидера южан. Однако в начале февраля 1826 г. в руках следователей вновь оказался материал о том, что 12 декабря Трубецкой требовал принесения «на жертву» самого Николая⁴³. Комитету пришлось проявить необыкновенную изобретательность, чтобы вывести Трубецкого из-под удара. Именно тогда следователи представили целый каскад показаний членов Южного общества о проектах «царевубийства». Большинство из них были настолько несерьезны, что сами следователи едва ли верили, что речь действительно шла о подготовке покушения на царя и членов его семьи. В отличие от призыва Трубецкого, который накануне выступления тайного общества 14 декабря требовал убийства Николая (хотя в действительности его никто и не собирался совершать), все театрализованные декламации южан о царевубийстве относились к неопределенному еще очень далекому будущему. Они не считались обязательными к исполнению и именно так воспринимались и теми, кто их произносил, и теми, кто их выслушивал. Но эти показания, с умыслом представленные на обсуждение Комитета именно тогда, когда обвинение в царевубийстве смертельной угрозой нависло над несостоявшимся «диктатором», помогли вытащить его из петли. Внимание пристально наблюдавшего за следствием Николая было настолько отвлечено представлявшимися в Комитет с подозрительной регулярностью ужасными планами готовившейся на юге расправы над его семьей и им самим, что призыв Трубецкого принести Николая «на жертву», прозвучавший 12 декабря 1825 г., отошел на второй план, а потом буквально растворился в них. Следователи прекрасно

знали, что Трубецкой накануне 14 декабря, так же как семь лет назад, во время «Московского заговора», вовсе не собирался убивать императора, а лишь использовал проверенное средство угрозы «расправы» над царем. Примечательно, что призывы Трубецкого принести Николая «на жертву» прозвучали в доме Российско-Американской компании почти в то же время, когда Ростовцев запугивал великого князя едва ли ни тем же самым в Зимнем дворце. Чтобы найти выход из создавшегося положения, Комитет стал заниматься поисками виновника, на которого можно было бы переложить весь груз ответственности за якобы готовившееся в столице царубийство. Главным «режисидом»⁴⁴ стал П. Г. Каховский. Под давлением следствия доведенный до отчаяния Каховский признался, что накануне выступления, когда планы Трубецкого оказывались неосуществимыми ввиду невозможности вывести из казарм достаточное для того, чтобы заставить Николая отказаться от власти количество войск, Рылеев поручал ему убить Николая. От Каховского ниточка потянулась прямо к Рылееву. Ему ничего не оставалось, как признаться и тем самым открыть себе путь на эшафот. Главная вина Рылеева заключалась в том, что он попытался воплотить в жизнь в Петербурге то, что Пестель разрабатывал в Тульчине лишь теоретически. Трубецкому в этой схеме отводилась роль вовремя раскаявшегося преступника⁴⁵.

Путем этих довольно ловко выполненных махинаций с допросами и подтасовкой очевидных фактов следователям удалось скрыть, что события 14 декабря 1825 г., завершившие междуцарствие, оказались спровоцированы прежде всего польскими планами царя, стремившегося фактически разделить престолы России и Царства Польского и поставить во главе восстановленной Речи Посполитой законного наследника Российской империи великого князя Константина, правда, пока неизвестно с каким именно титулом. Эти планы, реализация которых была прервана неожиданной и весьма загадочной смертью Александра I в Таганроге, породили противодействие со стороны декабристской конспирации и спровоцировали борьбу за власть между тремя претендентами: великим князем Николаем, цесаревичем Константином и их матерью императрицей Марией Федоровной⁴⁶. Она была старшей в императорской семье и являлась главным арбитром в делах престолонаследия. Правой рукой ее являлся глава тайной полиции, военный генерал-губернатор Петербурга Милорадович, допустивший выступление 14 декабря⁴⁷.

Примечательно, что в случае воцарения Константина тайное общество собиралось свернуть свою деятельность⁴⁸. Это и понятно: став всероссийским императором, Константин сохранил бы единство Российской державы. Протестовать теперь было бы ни к чему. Если бы главной целью конспирации была отмена крепостного права и введение конституции — киты, на которых покоится традиционное декабристское учение, — то воцарение цесаревича мало что могло изменить в устремлениях тайного общества. Другое дело Николай. Его вступление на престол было чревато разделом территорий между ним и стар-

шим братом, пользовавшимся полнотой военной и административной власти в губерниях, ранее составлявших Великое княжество Литовское, и являвшимся главнокомандующим вооруженных сил Царства Польского и Отдельного литовского корпуса, равного по численности польской армии⁴⁹. О том, что желание не допустить раздела территорий было одним из основных мотивов выступления 14 декабря, недвусмысленно заявляли на следствии М. Ф. Орлов⁵⁰ и А. А. Бестужев⁵¹. Сам ход событий, развернувшихся в это день в Петербурге, (если отбросить мифы о готовившемся штурме Зимнего дворца⁵², разговоры о котором играли ту же роль, как и рассуждения о цареубийстве и республике) свидетельствует: основная задача инсургентов состояла в том, чтобы заставить Николая отказаться от престола. Тем самым создавалась тупиковая ситуация, выход из которой заключался бы в созыве народных представителей, которые решили бы будущую судьбу государства и выбрали отвечающего интересам элиты носителя верховной власти. Трубецкой рассказывал следователям «небылицы»⁵³ о программном документе 14 декабря — так называемом «Манифесте к русскому народу», который в действительности прямого отношения к этим событиям не имел⁵⁴. Но при этом «диктатор» не мог не признать, что основной идеей предполагавшегося к публикации документа был созыв народных представителей, в том числе от Царства Польского или введение во временное правление одного польского члена. То есть это был бы манифест, покоящийся на принципе единства и неделимости Российской империи⁵⁵. Что же касается отмены крепостного права, являющейся альфой и омегой традиционного декабристоведения, то этот лозунг 14 декабря не был заявлен. Мнение о том, что одним из основных лозунгов вышедших на Сенатскую площадь была отмена крепостного права, основывается на том, что в проекте «Манифеста к русскому народу» содержался следующий пункт: «Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей»⁵⁶. Но эта формула означает всего лишь запрещение продажи крепостных без земли. То есть речь шла об уничтожении рабовладельческого нароста на крепостном праве, а не об уничтожении феодальной зависимости. Но важнее другое: в ходе выступления тайного общества во время событий 14 декабря даже этот лозунг никак не был публично оглашен инсургентами или же заявлен в иной форме. Более того, как теперь известно, «Манифест к русскому народу» не является программным документом. Манифест, написанный по просьбе К. Ф. Рыльева В. И. Штейнгейлем, содержал формулу о неприкосновенности государственных и частных имуществ⁵⁷, что никак не согласуется с отменой крепостного права. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что инсургенты рассчитывали создать временное правление и ввести в него либеральных государственных деятелей Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанского. Поскольку же Мордвинов был категорическим противником немедленной отмены крепостного права и считал необходимым «соединить хартию (т.е. конституцию. — М. С.) с рабством крестьян»⁵⁸, то конспираторы, вручая власть в руки «русского Аристиды», никак не могли бы рассчитывать на то,

что этот государственный деятель, имевший репутацию принципиального человека, станет плясать под их дудку и вопреки своим принципам будет осуществлять отмену крепостного права. То же следует сказать и о Сперанском. Несмотря на его репутацию либерала, хорошо известен скепсис, с которым он воспринимал слухи о намерении Александра I приступить к решению крестьянского вопроса и дать России конституцию наподобие польской⁵⁹. Так что следует признать: 14 декабря 1825 г. немедленного освобождения крепостных крестьян вовсе не предполагалось⁶⁰.

Сделанные наблюдения позволяют говорить об объективном совпадении конечных целей следователей и подследственных, что говорит об определенной консолидации российской элиты в рассматриваемый период.

¹ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. II. М., 1955. С. 392–400.

² *Сафонов М. М.* 14 декабря. «Путешествие дилетанта». (План восстания 14 декабря 1925 года в советской историографии) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 277, 278.

³ *Сафонов М. М.* Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 279–280.

⁴ *Сафонов М. М.* 1) Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России С. 280; 2) Материалы следственного процесса и советская концепция восстания декабристов // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Материалы Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014. М., 2014. С. 328–331; 3) Следствие по делу декабристов // Правовая система России: традиции и инновации. Ч. II. СПб., 2013. С. 56–63.

⁵ *Сафонов М. М.* Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84–91.

⁶ *Сафонов М. М.* 14 декабря 1825 года как кульминация междоусобия // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. IV. СПб., 2001. С. 61–86.

⁷ *Сафонов М. М.* Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 г. // Россия–Польша. Два аспекта европейской культуры. XVIII Царскосельская научная конференция. СПб., 2012. С. 491–503.

⁸ *Сафонов М. М.* Демарш адъютанта // Родина. 2001. № 7. С. 47–52.

⁹ Ярким свидетельством непонимания того, что у следователей были свои причины не доискиваться до истины, а также особые приемы, которыми они пользовались для ее сокрытия, могут служить работы П. В. Ильина, построенные на следственном материале (*Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 1–663). К сожалению, автор, посвятивший одному эпизоду — встрече Ростовцева с Николаем — целую монографию, так не понял этого важного обстоятельства (*Ильин П. В.* Между заговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междоусобия 1825 года. СПб., 2008. С. 1–298).

¹⁰ *Сафонов М. М.* 1) Генерал Милорадович и 14 декабря 1825 г. // История России. Исследования и размышления. СПб., 2006. С. 12–30; 2) Третье «пришествие» главы тайной полиции. М. А. Милорадович. 14 декабря 1825 года // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения. Вып. XII. «Гороховая, 2» — 2014. СПб., 2014. С. 7–25.

- ¹¹ Сафонов М. М. Гибель русского Баярда // Родина. 2011. № 7. С. 101–103.
- ¹² Сафонов М. М. Из истории междоусарствия: критический анализ мемуарных свидетельств С. П. Трубецкого // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VII. СПб., 2005. С. 296–331.
- ¹³ Восстание декабристов (далее ВД). Т. XV. М., 1979. С. 84.
- ¹⁴ Предтеченский А. В. О. В. Горский и его «Записка». (По неизданным материалам) // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. С. 198–199.
- ¹⁵ ВД. Т. XXI. М., 2001. С. 243; Сафонов М. М. Полковник П. С. Подобедов — чиновник особых поручений при Санкт-Петербургском военном генерал-губернаторе // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения. Вып. XIII. «Гороховая, 2» — 2014. СПб., 2015. С. 7–16.
- ¹⁶ ВД. Т. XX. М., 2001. С. 483.
- ¹⁷ Там же. С. 54, 84.
- ¹⁸ ВД. Т. II. М.–Л., 1926. С. 284.
- ¹⁹ Сафонов М. М. «Якуб идет»: А. И. Якубович в день 14 декабря 1825 года // 14 декабря 1825 года. Вып. VI. СПб., 2004. С. 278–288, 290.
- ²⁰ Сафонов М. М. Междоусарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 169–172.
- ²¹ А. Д. Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 333; Междоусарствие 1825 года и восстание декабристов. М.–Л. 1926. С. 194; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 419.
- ²² Сафонов М. М. А. Х. Бенкендорф 14 декабря 1825 г. // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. Вып. 3. СПб., 2005. С. 88–97; Сафонов М. М. М. А. Милорадович, А. Ф. Бенкендорф, А. Ф. Орлов и Конногвардейский полк 14 декабря 1825 года // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 235–271.
- ²³ Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 469–470.
- ²⁴ Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая. С. 85–88.
- ²⁵ Там же. С. 90–91.
- ²⁶ Сафонов М. М. 1) Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России. С. 285; 2) «Московский заговор» 1817 г. и крестьянский вопрос // Декабристы в Україні: Дослідження й матеріали. Т. 7. Київ, 2013. С. 203–211.
- ²⁷ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 72–118.
- ²⁸ Сафонов М. М. Тайное общество декабристов и вопрос о сохранении национальной безопасности и территориальной целостности России // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XI. «Гороховая, 2». СПб., 2013. С. 7–19.
- ²⁹ ВД. Т. XVI. М., 1986. С. 53–54; Эдельман О. В. Следственный комитет по делу декабристов: организация деятельности // 14 декабря 1825 года. Вып. II. СПб. — Кишинев, 2000. С. 214–216.
- ³⁰ Междоусарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.–Л., 1926. С. 175.
- ³¹ Сафонов М. М. С. П. Трубецкой против К. Ф. Рылеева: борьба в руководстве тайного общества накануне 14 декабря 1825 года // Декабристы в Петербурге: Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 160–166.
- ³² К. Ф. Рылеев против С. П. Трубецкого (по материалам следственного комитета) // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб., 2007. С. 68.
- ³³ ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 298.
- ³⁴ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 114.
- ³⁵ См. подробно: Сафонов М. М. Некоторые особенности расследования восстания декабристов. Дело полковника А. М. Булатова // Политическая Россия: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. III. «Гороховая, 2». СПб., 2009. С. 13–28.

- ³⁶ Сафонов М. М. К. Ф. Рылеев против С. П. Трубецкого (по материалам следственного комитета). С. 58–67.
- ³⁷ ВД. Т. I. М.–Л., 1925. С. 22–29.
- ³⁸ Там же. Т. XVI. С. 38.
- ³⁹ Штрайх С. Я. П. И. Пестель. Новые материалы // Былое. 1922. № 20. С. 106; ВД. Т. IV. М.–Л., 1927. С. 106–108.
- ⁴⁰ Сафонов М. М. И. И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. М., 2013. С. 601–609.
- ⁴¹ ВД. Т. IV. С. 80–83.
- ⁴² Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России. С. 282.
- ⁴³ ВД. Т. XIV. М., 1976. С. 160.
- ⁴⁴ Часто употребляемый термин для обозначения царевны.
- ⁴⁵ Сафонов М. М. С. П. Трубецкой против К. Ф. Рылеева: борьбы в руководстве тайного общества накануне 14 декабря 1825 года // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 189–234; Сафонов М. М. К. Ф. Рылеев против С. П. Трубецкого (по материалам следственного комитета). С. 53–93.
- ⁴⁶ Сафонов М. М. Правовой статус претендентов на российский престол: юридические проблемы междоусобия // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: Материалы VIII международной конференции 14–15 декабря 2007 года. СПб., 2007. С. 228–237.
- ⁴⁷ Сафонов М. М. Междоусобия. С. 168–179.
- ⁴⁸ Сафонов М. М. Об эволюции тайного общества в период междоусобия // Декабристы в Україні: Дослідження й матеріали. Т. 6. Київ, 2009. С. 104–106.
- ⁴⁹ Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая. С. 89–90.
- ⁵⁰ ВД. Т. XX. М., 2001. С. 164.
- ⁵¹ ВД. Т. I. С. 436.
- ⁵² Сафонов М. М. 1) 14 декабря. «Путешествие дилетанта». (План восстания 14 декабря 1925 года в советской историографии) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 275–295; 2) Зимний дворец в планах выступления 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 228–291.
- ⁵³ К. Ф. Рылеев против С. П. Трубецкого (по материалам следственного комитета). С. 55, 63, 65, 71. Даже беглого взгляда на «манифест» было бы достаточно, чтобы понять: подследственный говорит заведомую неправду. Первый же пункт этого документа гласил: «Уничтожение бывшего правления» (ВД. Т. I. С. 107). Очевидно, поверить в то, что Трубецкой собирался вести переговоры с Николаем о реализации манифеста, ликвидирующего его самодержавную власть, и при этом рассчитывать на благоприятный исход, могли только следователи, заключившие взаимный компромисс с несостоявшимся «диктатором».
- ⁵⁴ Манифест к русскому народу // X «Декабристські читання»: Тези Міжнародної теоретичної конференції. 2005. Київ, 2005. С. 88–90.
- ⁵⁵ ВД. Т. I. С. 66.
- ⁵⁶ Там же. С. 107.
- ⁵⁷ ВД. Т. XIV. С. 269.
- ⁵⁸ ВД. Т. I. С. 293.
- ⁵⁹ Русский архив. 1869. Стб 1697–1703.
- ⁶⁰ Сафонов М. М. Манифест к русскому народу» и вопрос об отмене крепостного права // Вспомогательные исторические дисциплины в современном мире: Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 года. М., 2016. С. 437–438.

References

Ilin P. V. Megdu zagovorom i prestolom. Ya. I. Rostovtcev v sobytiiakh mezhduksarstviya. [Ilyin P.V. Between the conspiracy and the throne. Y. I. Rostovtsev in the events of the interregnum of 1825]. SPb., 2008.

Ilin P. V. Novoe o dekabristah. Proschennyye, opravdannyye i neobnarugennyye chleny tajnykh obschestv i voennykh vystupleniy 1825–1826 gg. [Ilyin P. V. New about the Decembrists. Forgiven, justified and consequence of undetected members of secret societies and military interventions 1825–1826]. SPb., 2004. S. 1–663.

Mezhduksarstviye i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'i. [Interregnum of 1825 and the Decembrist uprising in the correspondence and memoirs of members of the Royal family]. M.; L., 1926. S. 175.

Nechkina M. V. Dvizhenie dekabristov. [Decembrist Movement]. Vol. II. M., 1955.

Pol'sha i Rossiya v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830. M., 2010.

Pretechenskijs A. V. O. V. Gorskiy i ego «Zapiska» (po neizdannym materialam) // Vospominaniya i rasskazy deiatelej tajnykh obwestv 1820-h godov. [Pretechenskiy A. V. O. V. Gorskiy and his «note». (For unreleased content) // Memories and stories of figures of the secret societies of the 1820s]. M., 1933. S. 165–194.

Safonov M. M. A. Ch. Benkendorf 14 dekabria 1825 goda // Nemcy v Sankt-Peterburge (XVIII–XX vv.): biograficheskij aspekt. Vyp. 3. [Safonov M. M. A. H. Benkendorf 14 December 1825 // Germans in St. Petersburg (XVIII–XX centuries): a biographical aspect. Vol. 3]. SPb., 2005. S. 88–97.

Safonov M. M. Dekabrizm i Rech Pospolitaia // Dekabristy: Aktual'nye napravleniya issledovanij: Sbornik statej i materialov. [Safonov M. M. Decembrists and the Polish-Lithuanian Commonwealth // Decembrists: Current directions of researches: Collection of articles and materials]. SPb., 2014. S. 84–91.

Safonov M. M. Demarsh adyutanta [Demarche adjutant] // Rodina. 2001. N 7. S. 47–52.

Safonov M. M. General M. A. Miloradovich i 14 dekabria 1825 goda // Istoria Rossii. Issledovaniya i razmyshleniya. [Safonov M. M. General Miloradovich and December 14, 1825 // History of Russia. Study and reflection]. SPb., 2006. S. 12–30.

Safonov M. M. Gibel' russkogo Baiarda [The Death of the Russian Bayard] // Rodina. 2011. N 7. S. 101–103.

Safonov M. M. «Iakub idet»: A. I. Iakubovitch v den' 14 dekabria 1825 goda // 14 dekabria 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografija, bibliografija. Vyp. VI. [Safonov M. M. «Jakub is going»: A. I. Yakubovich in the day of 14 December 1825 // 14 December 1825. Sources studies, historiography, and bibliography. Vol. VI]. SPb., 2004. S. 234–290.

Safonov M. M. I. I. Dibich i dekabrizm // Lichnost' v politicheskikh, jekonomicheskikh i kul'turnykh processah rossijskoj istorii. Materialy konferencii. Moskva, RYDN, 16–17 Maia 2013 g. [Safonov M. M. I. I. Dibich and the Decembrists // Personality in the political, economic and cultural processes of Russian history. Materials of XVII all-Russian scientific-theoretical conference]. M., 2013. S. 601–609.

Safonov M. M. Iz istorii mezhduksarstviya: kriticheskij analiz memuarnykh svidetel'stv S. P. Trubeckogo // 14 dekabria 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografija, bibliografija. Vyp. VII. [Safonov M. M. From the history of the interregnum: a critical analysis of the memoirs of the evidence of S. P. Trubetskoy // 14 Dec 1825. Sources studies, historiography, bibliography. Vol. VII]. SPb., 2005. S. 296–331.

Safonov M. M. Iz istorii sozdania sovetskoj koncepcii vosstania dekabristov (N. M. Dryzhinin protiv M. V. Nechkinoj) [From the history of the Soviet concept to the Decembrist revolt (N. M. Druzhinina against M. V. Nechkina)] // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2015. Vyp. 4. S. 55–65.

Safonov M. M. K. F. Ryleev protiv S. P. Trubeckogo (po materialam sledstvennogo komiteta) // Vlast', obschestvo i reformy v Rossii: Istochniki, issledovaniya, istoriografija. [Safonov M. M. K. F. Ryleev vs S. P. Trubetskoy (on materials of the investigative Committee) // Authorities, society, and reform in Russia: history, sources, historiography]. SPb., 2007.

Safonov M. M. M. A. Miloradovich, A. F. Benkendorf, A. F. Orlov i Konnogvardejskiy polk 14 dekabria 1825 goda // Dekabristy v Peterburge. Novyye materialy i issledovaniya. [Safonov M. M. M. A. Miloradovich, A. F. Benckendorf, A. F. Orlov and horse guards regiment 14 Dec 1825 // Decembrists in St. Petersburg. New materials and researches]. SPb., 2009. S. 235–271.

Safonov M. M. Manifest k russkomu narodu // X «Dekabristy'kije chtenniya»: Tezi Mizhnarodnoi-teoretichnoi konferencii. [Safonov M. M. Manifesto to the Russian people // X Decembrists reading: Abstracts of the International scientific theoretical conference]. Kiev, 2005. S. 88–90.

Safonov M. M. Materialy sledstvennogo processa i sovetskaia koncepcia vosstania dekabristov // Vspomogatel'nye i spetsial'nye nauki istorii v XX — nachale XXI v.: prizvanie, tvorcestvo, obschestvennoe sluzhenie istorika. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 14–15 aprelya 2014.

[Safonov M. M. Materials of the investigative process and the Soviet concept of the Decembrist uprising // Auxiliary and special history of science in the 20th – early 21st century: calling, creativity, community service historian. Materials of International scientific conference]. M., 2014. S. 328–331.

Safonov M. M. Mezhdunarstvie // Dom Romanovyh v istorii Rossii. [Safonov M. M. Interregnum // Family of Romanov in the history of Russia]. SPb., 1995.

Safonov M. M. Nekotorye osobennosti rassledovaniia vosstania dekabristov. Delo polkovnika A. M. Bulatova // Politicheskaia istoria Rossii: proclioe i sovremennost'. Istoricheskie chteniia. Vyp. III. «Gorohovaia, 2»]. SPb., 2009. S.13–28.

Safonov M. M. Rech Pospolita i «Moskovskij zagovor» 1817 g. // Possiia–Pol'sha. Dva aspekta evropejskoj kul'tury. XVIII Carskosel'skaia nauchnaia konferenciia. [Safonov M. M. Polish-Lithuanian Commonwealth and the «Moscow conspiracy» 1817 // Russia–Poland. Two aspects of European culture. 18th Tsarskoye Selo academic conference]. SPb., 2012. S. 491–504.

Safonov M. M. Polkovnik P. S. Podobedov – chinovnik osobyh poruchenij pri sankt-pereburgskom voennom general-gubernatore // Politicheskaia istoria Rossii. Istoricheskie chteniia. Vyp. XI. «Gorohovaia, 2» – 2014 [Safonov M. M. Colonel P. S. Podobedov – official for special assignments at the St. Petersburg military Governor-General // Political history of Russia: past and present: Historical readings. Vol. XIII. «Gorokhovaya, 2» – 2014]. SPb., 2015. S. 7–16.

Safonov M. M. Pravovoj status pretendentov na rossijskij prestol. Yuridicheskie problem mezhdunarstvia // Pravovoj status, pravosubektnost' lica: teoriia, istoriia, komparativistika. Materialy VIII mezhdunarodnoj konferencii 14–15 dekabria 2007 goda. [Safonov M. M. Legal status of the pretenders to the Russian throne: the legal problems of the interregnum // Legal status and juridical personality of the person: theory, history, comparative studies. Materials of the 8th international conference on December 14–15, 2007]. SPb., 2007. S. 228–237.

Safonov M. M. Process po delu dekabristov kak fenomen obschestvenno-politicheskoj zhizni Rossii // Istoriko-kul'turnoe nasledie I duhovnye cennosti Rossii. Programma fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk. [Safonov M. M. Trial of the Decembrists as a phenomenon of socio-political life of Russia // Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia. Program of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]. M., 2013. S. 279–286.

Safonov M. M. Sledstvie po delu dekabristov // Pravovaia Sistema Rossii: tradicii i innovacii. Ch. 2. [Safonov M. M. Investigation of the Decembrists // Legal system of Russia: traditions and innovations. Part II. SPb., 2013. Materials of the 10th All-Russian scientific-theoretical conference]. SPb., 2013. S. 56–63.

Safonov M. M. Tajnoe obschestvo dekabristov i vopros o sohraneniі nacionalnoj bezopasnosti i territorial'noj celostnosti Rosii: Politicheskaia istoria Rossii: proclioe i sovremennost'. Istoricheskie chteniia. Vyp. XI. «Gorohovaia, 2» [Safonov M. M. Secret society of the Decembrists and the question of preserving national security and territorial integrity of Russia // Political history of Russia: Past and present. Historical reading. Vol. XI. «Gorokhovaia, 2»]. SPb., 2013. S. 7–19.

Safonov M. M. Tret'e «prishestvie» glavy tajсноj policii M. A. Miloradovicha 14 dekabria 1825 goda // Politicheskaia istoria Rossii: proclioe i sovremennost'. Istoricheskie chteniia. Vyp. XII. «Gorohovaia, 2» – 2014 [Safonov M. M. Third «coming» of the head of the secret police M. A. Miloradovich 14 December 1825 // Political history of Russia: past and present: Historical readings. Vol. XII. «Gorokhovaya, 2» – 2014]. SPb., 2014. S. 7–25.

Safonov M. M. S. P. Trubeckoj protiv K. F. Ryleeva // Dekabristy v Peterburge: Novye materialy i issledovaniia. [Safonov M. M. S. P. Trubetskoy vs K. F. Ryleev: a struggle in the leadership of the secret society on the eve of 14 December 1825 // Decembrists in St. Petersburg: New materials and researches]. SPb., 2009. S. 150–234.

Safonov M. M. Zimnij dvorec v planah vystupleniia 14 dekabria 1825 goda // Dekabristy: Aktual'nye problem i novye podhody. [Safonov M. M. Winter Palace in the plans of the performances of December 14, 1825 // Decembrists: Current problems and new approaches]. M., 2008. S. 228–291.

Safonov M. M. 14 dekabria 1825 goda kak kul'minacia megdutsarstviia // 14 dekabria 1825 goda. Istochniki, issledovaniia, istoriografia, bibliografia. Vyp. IV. [Safonov M. M. 14 Dec 1825 as the culmination of the interregnum // 14 December 1825. Sources studies, historiography, bibliography. Vol. IV]. SPb., 2001. S. 61–86.

Safonov M. M. 14 dekabria. «Puteshestvie diletanta» (Plan vosstania 14 dekabria 1825 goda v sovetskoj istoriografii) [14 December» Traveling of Amateur» (The plan of the uprising 14 December 1925 in the Soviet historiography)] // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2014. N 3. S. 275–295.

Список литературы

- А. Д. Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. 1898. № 11. С. 332–352.
- Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.
- Ильин П. В. Между заговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. СПб., 2008.
- Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926.
- Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. II. М., 1955.
- Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.
- Предтеченский А. В. О. В. Горский и его «Записка». (По неизданным материалам) // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. С. 165–194.
- Сафонов М. М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–181.
- Сафонов М. М. 14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. IV. СПб., 2001. С. 61–86.
- Сафонов М. М. Демарш адъютанта // Родина. 2001. № 7. С. 47–52.
- Сафонов М. М. «Якуб идет»: А. И. Якубович в день 14 декабря 1825 года // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VI. СПб., 2004. С. 234–290.
- Сафонов М. М. Из истории междуцарствия: критический анализ мемуарных свидетельств С. П. Трубецкого // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. VII. СПб., 2005. С. 296–331.
- Сафонов М. М. А. Х. Бенкендорф 14 декабря 1825 г. // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. Вып. 3. СПб., 2005. С. 88–97.
- Сафонов М. М. Манифест к русскому народу // X «Декабристські читання»: Тези Міжнародної теоретичної конференції. 2005. Київ, 2005. С. 88–90.
- Сафонов М. М. Генерал Милорадович и 14 декабря 1825 г. // История России. Исследования и размышления. СПб., 2006. С. 12–30.
- Сафонов М. М. К. Ф. Рылеев против С. П. Трубецкого (по материалам следственного комитета) // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб., 2007. С. 53–93.
- Сафонов М. М. Правовой статус претендентов на российских престол: юридические проблемы междуцарствия // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика. Материалы VIII международной конференции 14–15 декабря 2007 года. СПб., 2007. С. 228–237.
- Сафонов М. М. Зимний дворец в планах выступления 14 декабря 1825 г. // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 228–291.
- Сафонов М. М. М. А. Милорадович, А. Ф. Бенкендорф, А. Ф. Орлов и Конногвардейский полк 14 декабря 1825 года // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 235–271.
- Сафонов М. М. С. П. Трубецкой против К. Ф. Рыльева: борьба в руководстве тайного общества накануне 14 декабря 1825 года // Декабристы в Петербурге: Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 150–234.
- Сафонов М. М. Некоторые особенности расследования восстания декабристов. Дело полковника А. М. Булатова // Политическая Россия: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. III. «Гороховая, 2». СПб., 2009. С. 13–28.
- Сафонов М. М. Гибель русского Баярда // Родина. 2011. № 7. С. 101–103.
- Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 279–286.
- Сафонов М. М. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 г. // Россия–Польша. Два аспекта европейской культуры. XVIII Царскосельская научная конференция. СПб., 2012. С. 491–503.
- Сафонов М. М. Следствие по делу декабристов // Правовая система России: традиции и инновации. Ч. II. Материалы X всероссийской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 25–27 апреля 2013 года. СПб., 2013. С. 56–63.
- Сафонов М. М. И. И. Дибич и декабризм // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. М., 2013. С. 601–609.

Сафонов М. М. Тайное общество декабристов и вопрос о сохранении национальной безопасности и территориальной целостности России // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XI. «Гороховая, 2». СПб., 2013. С. 7–19.

Сафонов М. М. Материалы следственного процесса и советская концепция восстания декабристов // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014. М., 2014. С. 328–331.

Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник статей и материалов. СПб., 2014. С. 84–91.

Сафонов М. М. Третье «пришествие» главы тайной полиции М. А. Милорадовича 14 декабря 1825 года // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения. Вып. XII. «Гороховая, 2» — 2014. С. 7–25.

Сафонов М. М. 14 декабря. «Путешествие дилетанта». (План восстания 14 декабря 1925 года в советской историографии) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 275–295.

Сафонов М. М. Полковник П. С. Подобедов — чиновник особых поручений при Санкт-Петербургском военном генерал-губернаторе // Политическая история России: прошлое и современность: Исторические чтения. Вып. XIII. «Гороховая, 2» — 2014. СПб., 2015. С. 7–16.

Сафонов М. М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н. М. Дружинин против М. В. Нечкиной) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 4. С. 55–65.

14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898.

Штрайх С. Я. П. И. Пестель. Новые материалы // Былое. 1922. № 20. С. 106–115.

М. М. Сафонов. Процесс по делу декабристов как показатель консолидации российской элиты

Материалы Следственной комиссии по делу декабристов никогда не рассматривались как источник, отразивший состояние российской элиты по завершении Наполеоновских войн. С этой точки зрения документы следствия представляют интерес как свидетельство того, каким образом высшие сановники, представители элиты интерпретировали полученные материалы, выражая интересы тех кругов, к которым они принадлежали. Ранее никогда следственный материал не рассматривался как единый архивный комплекс. Рассмотрение всей совокупности следственных материалов позволяет утверждать, что целенаправленное искажение следствием истории тайных обществ имело целью скрыть, что их деятельность объективно отвечала интересам российской элиты и была порождением скрытого конфликта между верховной властью и верхами дворянского общества. Дворянская элита усматривала в настойчивом стремлении самодержца восстановить Речь Посполитую как самостоятельное государство ущемление национального самолюбия или даже предательство коренных интересов империи, угрозу собственному благосостоянию. Декабристская конспирация стала в руках дворянства орудием воздействия на внешнюю и внутреннюю политику Александра I. Основным средством влияния на императора служило распространение слухов о якобы готовившемся царевичестве. Следователи утаивали попытки конспирации сорвать аболиционистские намерения императора с помощью мнимой угрозы царевичества. Следственной комиссии удалось подменить мнимые планы убийства царя якобы реально существующими и тем самым свести деятельность декабристской конспирации к царевичеству как главной цели заговорщиков. Уместным становится вопрос об объективном совпадении конечных целей следователей и подследственных.

Ключевые слова: элита, консолидация, Следственный комитет, декабристы, тайные общества, конспирация, Царство Польское, следственный процесс.

M. M. Safonov. The trial of the Decembrists as an indicator of consolidation of the Russian elite

Documents of the Commission of inquiry on the case of the Decembrists were never considered as the complex source reflecting the Russian elite status after the Napoleonic wars. Meanwhile the review of all investigative material in a chronological sequence suggests that the purposeful distortion of the history of secret societies during investigation was intended to hide the fact that their activity objectively met the interests of

the Russian elite and was a product of a hidden conflict between the Supreme power and higher aristocracy. The Decembrist conspiracy was considered by the nobility as a tool to influence foreign and domestic policy of Alexander I mainly by spreading rumors about forthcoming assassination of the Royal family. The Commission of inquiry managed to replace theoretical plans to assassinate the Tsar by real ones and thus to represent Decembrist conspiracy as a plot of regicide. Observed documents allow us to put the question of objective concurrence of the ultimate aims of the investigators and persons on trial, indicating a certain consolidation of the Russian elite in this period.

Key words: Elite consolidation, the Investigative Committee, the Decembrists, secret society, conspiracy, the Polish Kingdom, a regicide, the investigative process.

Сафонов, Михаил Михайлович, к.и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Safonov, Mikhail Mikhailovich, Ph. D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: m.safonov@list.ru